

corpus scientificum

Alexandra
Horowitz

**On
Looking**

A Walker's Guide
to the Art of Observation

Александра
Горовиц

Смотреть и видеть

Путеводитель
по искусству
восприятия

Перевод с английского
Софьи Долотовской

издательство АСТ

Москва

УДК 159.937
ББК 88.3
Г70

Художественное оформление и макет **АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО**

Горовиц, Александра.

Г70 Смотреть и видеть. Путеводитель по искусству восприятия / **АЛЕКСАНДРА ГОРОВИЦ** ; пер. с англ. **С. ДОЛОТОВСКОЙ**. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 320 с. (Corpus scientificum)

ISBN 978-5-17-085432-5

Говорят, что некоторые люди способны, пройдясь по собственному кварталу, увидеть больше, чем иные, обхватив целый свет. Американский ученый-когнитивист приглашает нас на прогулку по городу в компании с зоологом, звукооператором, специалистом по урбанистике, геологом, врачом, типографом и другими и рассказывает о механизмах восприятия и внимания, о том, как научиться находить необычное в давно привычных вещах и явлениях.

УДК 159.937
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-085432-5

- © Alexandra Horowitz, text and line illustrations, 2013
- © Scribner, a division of Simon & Shuster Inc., original publisher
- © С. Долотовская, перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО "Издательство АСТ", 2017
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Введение. Неискушенный взгляд 9

Часть первая

Неодушевленный город

Глава 1	Об избыточности	27
Глава 2	Минералы и биомасса	51
Глава 3	Осторожно: Q!	65
Глава 4	Четвертое измерение	82

Часть вторая

Одушевленный город

Глава 5	Переворачивая вещи	101
Глава 6	Животные среди нас	123
Глава 7	Отличное место (для прогулки)	151
Глава 8	О значении ногтей на больших пальцах	171

Часть третья
Город и чувства

Глава 9 Видеть, не видя	199
Глава 10 Звук параллельной парковки	226
Глава 11 С высоты собачьего носа	256
Глава 12 Смотрим — и видим	275
<i>Благодарности</i>	283
<i>Примечания</i>	285
<i>Указатель</i>	306

Огдену:
— *Смотри!*

Введение

Неискушенный взгляд

Вы этого не заметили. Вы не замечаете львиной доли того, что происходит прямо сейчас вокруг и внутри вас.

Фокусируясь на словах на книжной странице, вы упускаете невероятно много. Информация непрерывно бомбардирует органы чувств. Вы слышите жужжание флуоресцентных ламп, ощущаете, что сидите в кресле, чувствуете прикосновение языка к небу, напряжение в плечах или челюсти, до вас доносится гул автомобилей или звук газонокосилки, боковым зрением вы видите собственные плечи или торс, вы слышите жужжание насекомого или шум бытовой техники в кухне, и так далее.

Неведение такого рода полезно. Мы называем его *концентрацией*. Она позволяет нам не только замечать символы на странице, но и видеть за ними слова, фразы и идеи. К сожалению, мы склонны подобным образом фокусироваться на любых действиях — не только самых сложных, но и обычных. Удивительно много времени мы проводим, перемещаясь из одного места в другое — спеша на работу, направляясь в магазин или в школу за детьми (или в школу на уроки). И это время выпадает из нашей памяти. Оно забывается не потому, что не произошло ничего интересного. Забывает-

ся оно в первую очередь потому, что мы не обратили на него внимания. Разговаривая по телефону, думая, что приготовить на обед, слушая других или прокручивая в голове список запланированных дел, мы упускаем из виду целый мир. И упускаем возможность подивиться тому, что лежит на самом виду.

К той мысли, что ежедневные прогулки могут быть *интереснее*, меня подвела моя собака. Заведите мохнатую собаку с острым нюхом и широко открытыми глазами, и скоро вы увидите, что часто выходите на прогулку. Прогулку по своему кварталу, например. Последние тридцать лет я прожила бок о бок с двумя собаками в обычных городских кварталах. Но, думая, что отправляюсь на короткую прогулку, я часто, следуя за собакой, оказывалась в самых неожиданных местах. Прогулка по кварталу превращалась в экскурсию по паркам, в хаотичное блуждание по оврагам, в пробежки по обочине шоссе и, если повезет, по узким лесным тропинкам.

После некоторого числа таких прогулок, постоянно прерывающихся остановками, я попробовала выяснить, что же собака видит (и чует) такое, что заводит нас так столь от дома. Небольшие расхождения моих планов с представлениями собаки о том, где и как должна проходить прогулка, указывали на то, что квартал, по которому гуляю я, совершенно не похож на квартал, по которому гуляет собака. Я уделяла настолько мало внимания тому, что находилось прямо перед нами, что стала похожа на сомнамбулу: я видела лишь то, что ожидала увидеть. Моя собака показала, что у моего внимания был вечный спутник: невнимание ко всему остальному.

В этой книге я уделяю внимание именно такому невниманию. Эта книга не о том, как сосредоточиться, читая Толстого, или научиться прислушиваться к своему мужу. И не о том, как не заснуть на лекции или во время дедушкиного рассказа о его детских злоключениях. Эта книга не научит вас планировать за рулем ужин, одновременно слушая аудиокнигу и сверяясь с GPS-навигатором.

Чтобы разбудить свою внимательность, я совершила дюжину прогулок по кварталу — обычных прогулок, на какие мы отправляемся почти ежедневно, — в компании людей, обладающих уникальным профессиональным умением видеть вещи, которые на первый взгляд кажутся обыденными и остаются незамеченными обычными людьми. Вместе мы учились воспринимать городской квартал — улицы и все, что на них, — как живое существо, за которым можно наблюдать.

Знакомое при этом становилось незнакомым, а привычное казалось новым. Мой метод основан на двух ключевых элементах. Во-первых, мы обладаем способностью видеть все. Переезжая в новый дом, мы поначалу смотрим вокруг широко открытыми глазами и всеми органами чувств фиксируем отличия нового района от старого: деревья здесь дают много тени, машин больше, тротуары уже, а здания дальше от дороги. Но позднее, обжившись, мы как бы слепнем. Даже время мы начинаем ощущать по-другому: когда нам нечего замечать, оно бежит быстрее. Способность к внимательности есть у всех, просто мы забываем ею пользоваться.

Второй элемент — личный опыт. Нашему восприятию всегда свойственна некоторая необъективность, *профессиональная деформация*. Психиатр замечает у всех, начиная с кассира в продуктовом магазине и заканчивая своей женой, симптомы диагностируемых состояний. Экономист рассматривает покупку чашки кофе как макроэкономическое явление. В обычной ситуации профессионалы — всего лишь люди, рядом с которыми вам не хочется сидеть за обеденным столом. Но в моем проекте они *ясновидящие*: эти люди способны обращать внимание на такие особенности поведения или социальных взаимодействий, которые обычный человек не замечает.

Я живу и работаю в Нью-Йорке, и меня завораживает шумный организм, который представляет собой улица. Чтобы изучить ее, я гуляла по обычным жилым кварталам Нью-Йор-

ка и других крупных городов. На прогулку с собой я приглашала людей с особым взглядом на мир. Часто такой взгляд — результат профессиональной подготовки (скажем, у врачей). У других моих спутников особая восприимчивость сформирована увлечениями — например поиском следов жизнедеятельности насекомых или любовью к типографике. Наконец, у некоторых спутников особый взгляд на мир являлся неотъемлемой их чертой — например у ребенка, слепого человека, собаки. Ниже я расскажу об одиннадцати прогулках по городу, в которых меня сопровождали “ясновидящие”.

На самом деле прогулок было не одиннадцать, а двенадцать: сначала я отправилась прогуляться в одиночестве. Я хотела зафиксировать все, что увижу сама, прежде чем начать учиться наблюдательности у других.

В то утро, когда я вышла из дома, воздух был пропитан влагой. Я решила прогуляться по нескольким кварталам неподалеку от своего дома, потому что эти кварталы совершенно обычны. Я испытываю к своему району определенную нежность, которая проистекает из близкого с ним знакомства, хотя и отдаю себе отчет в том, что чем ближе я с ним знакомлюсь, тем меньше я на него смотрю. Тем не менее я была уверена, что сумею точно описать район. Мой взгляд на мир был не таким уж дилетантским. Я отправилась на прогулку с ясным намерением увидеть все, что можно увидеть. Более того, я профессионально изучаю поведение животных. Я вышла из дома, зажав в руке блокнот и планируя позднее реконструировать события. Широко открыв глаза, я повернула за угол.

Мой взгляд упал на мешки с мусором у края тротуара. В прозрачных пакетах виднелись изорванные в клочки документы. Мимо протрусил бигль на длинном поводке. Подняв ногу, он бесцеремонно пометил край мусорной кучи.

Я нацарапала в блокноте что-то про цветы, растущие в кадке с деревом. Подняв глаза, я обнаружила, что стою на углу, а с обеих сторон на меня смотрят два огромных мрачных многоквартирных дома. Я машинально отметила свободное место для парковки между двумя машинами возле тротуара. На фасаде ближайшего дома не было никаких украшений, кроме двух труб — скромной водопроводной трубы и загадочной трубы в виде двухголового гнома. Я не стала выяснять, что это такое. Мимо прошмыгнул ребенок. Меня обогнали несколько пар с собаками, которые направлялись в парк, оставшийся у меня за спиной.

Люди шли молча. Собаки безмолвствовали. Единственным звуком было жужжание кондиционеров. Между большим каменным зданием и стайкой красных и белых кирпичных домиков приютился прелестный особняк из красного песчаника с изящной выгнутой лесенкой перед входом. Но я почти не смотрела вверх. Под ногами было слишком много интересного. К каждому зданию прилагалась своя характерная куча мусора. Рядом с каждой кучей лежал какой-нибудь выпавший из нее предмет: ватная палочка (интересно, как ей удалось выбраться?), куриная кость, клочки бумаги. Я увидела еще одну ватную палочку и задумалась о здоровье своих соседей. Чем дальше я шла, тем беспорядочнее становились кучи мусора — или, может быть, тротуар становился уже (или и то, и другое). Пропуская прохожего, я чуть не плюхнулась в нишу в стене здания — возможно, именно для этого ниша и предназначалась, хотя почему-то была усажена зубцами. Так что экспериментировать я не стала.

Я подошла к перекрестку с Бродвеем — широким проспектом, по которому в обоих направлениях неслись машины. На разделительной полосе стоял пожилой джентльмен, не успевший сразу пересечь улицу. Он, пошатываясь, двинулся дальше, и я обошла его по широкой дуге, чтобы не сбить его с курса.

На той стороне Бродвея, дальше на восток, в переулке спрятались несколько магазинчиков: продуктовая лавка с кучкой мятых окурков перед дверью, парикмахерская с длинным навесом у входа, который смотрелся здесь абсолютно неуместно... По переулку двигался поток машин. Некоторые из них въезжали на парковочные места, другие неосторожно сдавали задом на проспект. Я почувствовала запах мусора. Спереди донесся шум мусоровоза, который пытался примять свой груз. Под ногами я заметила кучку спагетти с соусом, которыми уже занялась стайка голубей.

Хотя сам мусоровоз я увидеть не успела, он оставил за собой тянущуюся от тротуара к проезжей части дорожку из упавших предметов, которые выдавали пищевые и гигиенические пристрастия местных жителей. Я обратила внимание на нетерпение водителей, которые вглядывались вперед, вытягивая шеи, будто препятствие могло исчезнуть, если его хорошенько рассмотреть. Наблюдая за ними, я дошла до здания на углу и повернула направо, на другой оживленный проспект. Дорожное движение набегало волнами: повинуясь сигналу светофора, все машины разом устремились по улице. На первых этажах имелись витрины, но в этот ранний час большая часть их была закрыта. Над витринами висели невзрачные вывески, предлагающие пиццу и пылесосы. Делая на ходу пометки в блокноте, я не заметила, было ли на углу что-нибудь интересное. Повернув, я оказалась на обсаженной деревьями улице. На одной стороне они давали густую тень. Я устремилась туда. Подошвы прилипали к свежему, гордо сверкающему под утренним солнцем асфальту. Впереди я увидела (а после и услышала) грузовик киносъёмочной группы. Квартал был заполнен людьми, создававшими его однодневную декорацию. Грузовик являл собой средоточие человеческой деятельности неустановленного свойства. На тележках позади грузовика высились груды металлических труб и сложенных штабелями платформ. Любопытные зрители глазели на происходящее со своих крылец.

У каждого дома была парочка характерных черт. В одном случае это оказались свернутые в трубку и стянутые канцелярскими резинками газеты на верхней ступеньке. Я в сотый раз подивилась тому, что газеты, которые приносят почтальоны, каждое утро не исчезают бесследно. Другой дом был увит плющом, который нависал над крыльцом и обещал скоро превратиться в настоящую арку. У металлической ограды третьего выстроился аккуратный ряд мусорных баков.

По тротуару, рядом с грузовиками с электрогенераторами, громко генерирующими электричество, слонялись члены съемочной группы. У них были бейджи и наушники, и почти все держали в руках стаканчики с кофе — своего рода спасательные круги, позволяющие выжить ранним утром. Эти люди уставились на меня: делать им было нечего, кроме того, сейчас они находились не в своем районе, где зрительный контакт обычно учтив и непродолжителен. До меня донесся запах из ресторана неподалеку: там подавали завтрак. Фасад церкви, в которую я никогда не заглядывала, походил на зияющую дыру: многочисленные двери были распахнуты. Мужчины в шортах заносили внутрь коробки.

Посреди всей этой суеты замерла сломанная гледичия. Недавняя буря лишила дерево верхушки, и теперь та в виде кучи веток разместилась возле ствола. Прохожие переступали через бесполезную полицейскую ленту, окружавшую дерево.

Ветерок поманил меня дальше, и я, последовав за ним, снова перешла Бродвей. Улица, на которую я попала, взбиралась на невысокий холм и опять спускалась, что придавало ей особую прелесть: из-за разницы в высоте ряды одинаковых домов смотрелись не так скучно. Со второго этажа, просунув нос между прутьями балкона, смотрел старый пес. Свисающие уши были ему очень к лицу. Он завил хвостом, когда я его поприветствовала.

Над улицей доминировал частный особняк: настоящая аномалия в этом городе. Из-за стены дома выскочила бел-

ка и направилась на другую сторону улицы. Задержавшись под машиной и помедлив в середине дороги, она шмыгнула в кусты.

Я в последний раз повернула за угол и пошла к входу в особняк, рассматривая пару каменных львов, терпеливо и безнадежно ожидающих прибытия королевских особ. Лохматая гусеница с головой, украшенной двумя парами грозных рожек, лениво заползла на первую ступеньку, явно направляясь туда, где гусениц ничего хорошего не ждет. Я переложила ее на клумбу и отправилась домой. Свернутую в трубку газету, которая только что лежала возле двери, уже украли. Я повернула ключ в замке.

Выходя утром из дома, я прислушивалась к себе внимательнее, чем всегда, поскольку не забывала, что иду на *обычную* прогулку по кварталу, и надеялась удивить себя собственной наблюдательностью. В конце концов, по профессии я *наблюдатель* — точнее, наблюдатель за собаками. Это умение должно распространяться и на наблюдение за собственным поведением, и, несомненно, на наблюдения за кварталом. Ведь я не слышала о том, какая я наблюдательная — от многочисленных друзей, которым я навязывала свои непрошенные наблюдения.

Я осталась очень довольна и собой, и прогулкой. Я увидела все, что в моем квартале стоило внимания. Ни одна машина не проехала незамеченной, ни один дом не избежал осмотра. Я смотрела на деревья и даже припомнила, как называется одно из них. Я изучила прохожих, заметила отважную белку и разглядела лохматую гусеницу. Я *смотрела*. Разве я могла что-то пропустить?

Как выяснилось, я пропустила почти все. После описанных ниже прогулок я почувствовала себя одновременно встрево-

женной, восхищенной и пристыженной тем, насколько ограниченным был мой взгляд на мир. Меня утешает лишь, что такая “неполноценность” свойственна большинству людей. Мы смотрим, но толком не видим: наши глаза широко открыты, но взгляд легкомысленно скользит от предмета к предмету. Мы видим символы, но не понимаем их значения. Мы не слепы, но на глазах у нас — шторы.

Неполноценность эта касается внимания: я просто не сосредоточилась как следует. Хотя кажется, что нет ничего проще, чем сосредоточиться, на самом деле это не так. Наверное, каждый в детстве слышал замечание: “Сосредоточься!” Вот только никто не объяснял нам, как именно это нужно делать.

По общему мнению, занятие это довольно трудное. В XIX веке немецкий психофизик Густав Фехнер так описывал свои физические ощущения, когда он на чем-нибудь сосредотачивался: “направленное вперед напряжение в глазах”. (А при слушании он чувствовал “направленное вбок напряжение в ушах”.) Американский ученый Уильям Джемс, отец современной психологии, заявлял, что, сосредоточившись на воспоминании, он чувствует, как глазные яблоки “перекатываются туда-сюда”, будто фокусируясь на скоплениях нейронов внутри головы. Пытаясь выяснить, как люди воспринимают феномен внимания, физиологи обнаружили, что школьные учителя, объясняя ученикам, как сосредоточиться на изображении, советуют “неподвижно смотреть на него, как при съемках кинокамерой”. Концентрироваться, сосредотачиваться — все это воспринимается как занятие, требующее значительного напряжения сил. Сиди неподвижно, не моргай и *сосредоточься!*

Когда вам нужно прочитать сложносочиненное предложение или расслышать то, что вам по секрету шепчут на ухо под грохот проезжающего грузовика, вы быстро погружаетесь в то состояние мыслительного напряжения, которое описыва-

ли Джемс и Фехнер. Вы принимаете характерную позу внимания. Читая, вы хмуритесь и щуритесь, будто пытаетесь лучше разглядеть слова. Слушая, вы наклоняетесь к собеседнику, опустив глаза, чтобы не отвлекаться на зрительные раздражители, и приоткрываете рот. Вы напряжены: ноги поджаты, руки слегка сжаты в кулаки, плечи приподняты. Вы удивительно неподвижны, будто шум, издаваемый вашими мышцами, может заглушить шепот собеседника.

Все это способствует концентрации в момент разговора, однако никак не помогает во все остальное время. Нужно разобраться в том, что такое внимание. Что это — умение, склонность, навык? Что отвечает за внимание: специальный отдел мозга — или глаза и уши? У психологов нет четкого ответа на этот вопрос. Мы с легкостью пользуемся словом “внимание” и понимающе киваем, когда кто-нибудь заводит о нем речь. Но не странно ли обсуждать то, что неизвестно чем является и непонятно где локализовано?

Конечно, *все и так знают*, что такое внимание, утверждал сто лет назад Джемс. Может, и так. Впрочем, замечу, что сам Джемс посвятил шестьдесят страниц своего психологического опуса рассуждениям о том, что же это такое.

Модель, давно используемая психологами, основана на идее “прожектора”, который выхватывает из тьмы интересные нас вещи, наводя на них фокус, а все ненужное оставляет в темноте. Эта аналогия заставляет меня чувствовать себя спелеологом с фонариком на лбу, который видит лишь то, что прямо перед его носом. Это сравнение не совсем верно, поскольку в реальности человек почти всегда может сказать, что именно он видит боковым зрением. К тому же “прожектор” не избавляет нас от игнорирования множества деталей того, на что мы якобы внимательно смотрим.

Поэтому лучше подумать о проблемах, для решения которых эволюция породила это самое внимание. Первая проблема обусловлена самой природой. Мир переполнен отвлекаю-

щими факторами. Здесь невероятное количество объектов: и ярко окрашенных, и крупных, отбрасывающих тень, и быстро движущихся, и приближающихся к нам, и издающих громкие звуки, и необычных, и пахучих. Эта какофония ждет сразу за дверью дома. Если кто-нибудь встретит нас на улице и спросит: “Как жизнь?”, точный ответ дать будет непросто. Можно начать так: “Мои глаза радуются великолепию красок. Нас окружают невероятно огромные каменные башни. Время от времени мимо пронесится гора металла и пластмассы. Меня обгоняют хаотично движущиеся фигуры с размытыми лицами. Над моей головой носятся небольшие компактные объекты. Откуда-то слышится гул; фигуры с размытыми лицами издают прерывистое бормотание; шумят каменные башни. Мое обоняние привлекает запах чего-то спелого и запах чего-то гниющего...”

Вместо этого мы говорим: “Да так... Ничего особенного”.

Честно говоря, *ничего* довольно точно описывает количество вещей, которые мы замечаем. Один из способов разрешить проблему “пестрой, шумной хаотической смеси”, с которой сталкивается младенец, приходя в мир — это игнорировать большую ее часть. Проходят дни и недели, мы взрослеем и научаемся справляться с этим беспорядком, просто не обращая на него внимания. К тому времени, когда мы начинаем самостоятельно выходить из дома, мир систематизирован, а наполняющие его объекты классифицированы и “приручены”. Еще несколько лет — и мы уже умеем воспринимать улицу, на самом деле почти не видя ее.

Вторая проблема заключается в том, что даже игнорируя большую часть окружающего мира, мы все равно способны воспринимать лишь небольшую его часть. Мощность наших сенсорных систем ограничена и в объеме информации, и в скорости ее обработки. Свет, который мы видим — *видимый свет*, — это невообразимо малая часть спектра, а то, что мы слышим — малая доля того, что можно услышать. Наши

глаза, как и другие сенсорные органы, в конкретный момент могут обрабатывать лишь небольшое количество информации: чтобы преобразовать световой сигнал в электрический, нейронам требуется изменить структуру своих пигментов. В момент, когда это происходит, клетка больше не реагирует на свет. А то, что не попадает внутрь глаза, мы *не видим*. И хотя мы со своими невероятно крутыми мозгами представляем собой огромные процессоры для параллельной распределенной обработки данных, у наших вычислительных мощностей тоже есть рамки. Самые лучшие компьютеры не умеют думать как человек (во всяком случае пока), но информацию они все же обрабатывают гораздо быстрее нас. К счастью, не все в мире одинаково информативно или важно, так что нам и не нужно видеть все.

Вот если бы у нас была система, позволяющая видеть лишь то, что действительно стоит видеть..

...и она у нас уже есть: это внимание. Система, позволяющая игнорировать ненужную информацию, разбираться в потоке визуального и звукового шума, разрешает все эти проблемы. Хотя кажется, что объекты окружающего мира кротко ждут, пока их озарит свет нашего взгляда, на самом деле они соперничают за наше внимание. Внимание — это целенаправленный и бескомпромиссный фильтр. Он определяет, что важно для нас в данный момент, и заставляет замечать лишь это, и ничего, кроме этого. Зачем утруждать себя сортировкой элементов визуального ряда? Эволюция предлагает простое объяснение. Некоторые объекты можно съесть, а другие объекты могут съесть тебя. В самом простом случае организм должен уметь распознавать объекты этих двух категорий. Примитивному организму, возможно, ничего иного и не нужно. Бактерии все равно, сочетается ли ваша оранжевая рубашка с розовыми брюками. Едва уловимая, но важная разница между запахом потных ног и запахом лимбургского сыра (которая едва ли заметна кому-то,

кроме сыроделов) недоступна отважным бактериям, которые с удовольствием селятся и там, и там. Для древнего человека, жившего в саванне, умение распознавать запах (например льва) имело первостепенное значение. В результате у современного человека сохраняется особый тип внимания — *бдительность*, — которая помогает организму быть настороже и в случае появления льва пуститься в бегство. Для современного человека актуальнее способность вовремя кивать, слушая на вечеринке собеседника, увлеченно рассказывающего что-то, и одновременно игнорировать все остальные разговоры в комнате (разумеется, кроме тех, в которых прозвучало ваше имя). Для этого есть другой вид внимания — *избирательное*.

По возможности мы пытаемся свалить эту работу на окружающий мир: акцентируем свое внимание на предмете, видоизменяя его: обводим в кружок важные слова на странице; выделяем фломастером то, на что нужно обратить внимание; храним свой любимый нож не среди других ножей, а среди маленьких беззащитных ложек. Этим объясняется коммерческий успех цветных маркеров, ярко-оранжевых строительных конусов (или, еще лучше, конусов “кислотного” зеленого цвета — для контраста с привычным оранжевым) и рекламных объявлений, которые подмигивают с дорожных щитов. Примечательность всего одного неожиданного элемента визуального пейзажа настолько велика, что этот предмет может служить обозначением какого-нибудь другого элемента: постирать вещи, позвонить маме. Это феномен завязывания узелков на память: увидев узелок, мы не погружаемся в размышления об узелках, а припоминаем, что нам нужно о чем-то вспомнить.

Однако если злоупотреблять этим приемом, можно привыкнуть к узелкам, и тогда от них не будет пользы — не считая вашей готовности в любой момент заняться завязыванием узелков.

Успешно сосредоточиться на чем-либо невозможно без указаний сверху — от головного мозга. Наш мозг непрерывно “завязывает узелки”. Монолог о том, что вы делаете в данный момент, влияет на то, что вы в этот момент увидите. Если вы *знаете*, что ищете нож, найти его будет проще.

Таким образом, в самом простом случае *обращать внимание* на предмет — значит выделять его среди всех остальных стимулов в данный момент. Это усилие не обязательно должно быть сознательным или сложным. Но оно требует некоторого руководства со стороны мозга. Чтобы просто прочесть мои слова, вам нужно сузить фокус до этой страницы. Другие картинки, мысли, звуки и запахи останутся на периферии мысленного видеоискателя (до тех пор, пока одна из этих картинок или один из звуков не переместится в поле ментального зрения). Все эти вещи мы с легкостью и почти наверняка забываем — но они готовы в любой момент предстать перед нашим вниманием. Чуть позднее, вспоминая, как вы сидели и читали эту книгу, вы вряд ли сможете сказать, какие предметы находились справа и слева, что было в вашем зрительном поле выше страниц; вы не сможете вспомнить мелодию, которая звучала в голове, и забудете приглушенный шум машин, который сопровождал чтение.

Психологи называют это *избирательным усилением* одних областей перцептивного поля и подавлением других. Именно на этом основан мой подход к вниманию во время прогулок по кварталу: каждый из моих спутников играет роль избирательного усилителя. Он указывает области, которые остальные привычно игнорируют (либо вообще не знают, что их можно увидеть).

Это не значит, что каждый из моих спутников видел все. Когда я гуляла с одной из самых известных в мире исследователь-

ниц в области внимания, она прошла мимо шестидесяти долларов, лежавших под ногами. Она их не заметила.

Я шла в шаге за ней и очень удивилась. Это была одна из первых прогулок моего проекта; я поехала на поезде за город, чтобы встретиться с психологом, работа которой посвящена вниманию. Мы как раз говорили о *наблюдательности*: способности замечать новое среди обыденного. То, чем мы в этот момент занимались, было типичным примером обыденного: мы гуляли с собаками.

Однако наблюдательный психолог прошла мимо денег.

Деньги заметили я и ее собака (ну, она-то, наверное, их учуяла). Девятка, утратившая владельца. Через пару шагов еще одна. Я изумленно перевела взгляд на лежавшую в стороне третью купюру. Все бумажки были сложены вчетверо и сейчас разворачивались, обретая свободу. Судя по всему, они выпали из кармана и с разной скоростью спланировали на землю. Я остановилась, схватила трофеи и пробормотала: “Смотрите!”

Она широко улыбнулась, увидев деньги в моей протянутой руке. Собака гордо стояла рядом, опустив нос к земле. Я подумала: “Стоп. Неужели я пропустила еще одну?”

В этой книге я ищу то, чего не замечаю во время прогулок по кварталу. Понятие *квартал* включает физические элементы улицы — тротуар, дома — и их историю. Первые четыре мои вылазки посвящены *неживому городу*. Помимо этого, квартал включает существ (или предметы), которые находятся в нем сейчас, и существ (или предметы), которые находились здесь прежде. Следующие три главы посвящены *живому городу*. Квартал полон вещей, которые мы не видим, не слышим и не чуем, и хранит нерассказанные истории вещей, которые мы видим, слышим и обоняем. Последние три главы посвящены *сенсорному городу*.

Результатом прогулок не станет ученая степень в изучении какого-либо города или квартала. Это просто рассказ о том, что можно увидеть в любой обстановке — городской или деревенской. Эти прогулки пробудили во мне давно уснувшее чувство удивления миру. Обычно такое восприятие свойственно профессионалам или очень юным людям (еще не ставшими профессионалами в искусстве быть человеком). Возможно, они смогут пробудить удивление и у вас.

Уильям Джемс считал, что мы видим то, “что готовы увидеть”. С этой мыслью я и отправилась на прогулку.

Часть первая

**Неодушевленный
город**

Глава 1

Об избыточности

Наблюдая, можно многое увидеть.

ЙОГИ БЕРРА

На фасаде ближайшего дома не было никаких украшений, кроме двух труб — скромной водопроводной трубы и загадочной трубы в виде двухголового гнома. Я не стала выяснять, что это такое.

Сжав в руке рукав потрепанной шерстяной курточки и крошечные мягкие пальчики, принадлежащие моему девятнадцатимесячному сыну, я вышла из дома — и узнала о равнобедренных остроугольных треугольниках в своем квартале.

Основы моего бытия пошатнулись еще до того, как мы встретились с треугольниками. Собираясь на прогулку с сыном, я была очень самонадеянна. Для меня прогулка — это очень простое занятие, слишком простое, чтобы о нем вообще рассказывать. Но поскольку все мои представления о прогулке были перевернуты недавно научившимся ходить малышом, я попробую это сделать. Я думала, что прогулка — это перемещение по условной дороге — тротуару, улице, грязи — из точки А в точку Б. Наверное, я могла бы даже расширить понятие дороги: это необязательно должна быть настоящая дорога, достаточно просто траектории, которой я следую, переставляя ноги, чтобы попасть из одного места в другое.

Как же я заблуждалась! Как-то вечером, в конце весны, мы собрались прогуляться по кварталу. К тому моменту мой сын уже семь месяцев ходил самостоятельно, без поддержки, однако прогулка по улице — где он мог идти сам — пока оставалась для него приключением. Все-таки он был еще очень маленьким и поэтому вылазки на улицу совершал в детском рюкзачке, висящем у меня на животе, или в переноске у папы на спине. Но сегодня он должен был вести *меня* на прогулку. Более того, я собиралась спросить у него, что он видит.

Его ответы, разумеется, пока нужно было переводить. Сын уже имел впечатляющий словарный запас — кроме *ма-ма*, *ку-ку*, *па-па* и *яблоко*, он очень любил слова *пупок*, *вертолет* и *катастрофа* (результат его присутствия при впечатляющем обрушении нашего домашнего бара). Однако его все-таки пока нельзя было назвать интересным собеседником: на радио его бы вряд ли пригласили. При этом он был очень общителен: много и сложно жестикулировал, кривлялся, использовал рудиментарный язык глухонемых и демонстрировал разнообразные эмоции. Во время нашей прогулки я пыталась понять, что он видит, отмечая его предпочтения и стараясь представить себя в его — очень небольшой — шкуре.

Все пуговицы и молнии были застегнуты, шнурки завязаны и перевязаны еще раз. Предвкушая прогулку, мы спустились в лифте: “гулять”, объявил мой сын. Он пронесся по вестибюлю нашего многоквартирного дома к входной двери и всем своим весом навалился на нее — маленькое тельце на фоне массива стекла и металла. Навалившись на дверь вместе, мы медленно открыли ее, будто отдавая должное ее солидности. Взявшись за руки, мы повернули налево. Прогулка началась.

И тут же закончилась. Мы даже не успели толком повернуть налево. Остановившись на тротуаре у нижней ступеньки, сын присел на корточки в позе тяжелоатлета или готовящейся к запуску маленькой ракеты. И замер.

— Гулять, — напомнила я.

Никакого ответа.

— Пойдем! — сказала я своим самым бодрым тоном.

Он и ухом не повел.

В конце концов он сам протянул мне руку, и я взяла ее в свою.

Тут я начала понимать: с его точки зрения, мы *уже* “гуляли”. Мы двинулись дальше, и определение этого слова стало для меня проясняться. “Прогулка”, согласно представлениям моего малыша, почти не имеет отношения к процессу ходьбы. Она не имеет ничего общего с точками А и Б и перемещениями из одного пункта в другой. И с переставлением ног по некоей прямой. Прогулка для него — это просто исследовательский опыт, который начинается избытком энергии и заканчивается (непременно) изнеможением. Его прогулка началась в лифте и продолжилась в вестибюле, у входной двери. Вернее, она началась еще с завязывания шнурков, а до этого — с пробежки по коридору в предвкушении завязывания шнурков. С точки зрения сына, мы уже давным-давно “гуляли”.

Гулять — это исследовать поверхности и текстуры с помощью пальцев рук, пальцев ног и — *фу!* — языка; это стоять неподвижно и смотреть, кто или что пройдет и проедет мимо; это испытывать различные способы передвижения (среди которых — бег, шаг, вскидывание ног, прыжки, стремительное бегство, жесткое падение, вращение вокруг собственной оси и шумное шарканье ногами). Это археология: исследовать кусок выброшенного фантика от конфеты; собирать в ладонь камешки, веточки и оторванный уголок книжной обложки; размазывать грязь по земле. Это — остановиться, чтобы послушать шепот ветра в листве деревьев; определить источник птичьих трелей; и показать на все это пальцем. *Смотри!* — рука вытягивается, чтобы твой спутник мог увидеть то, что видишь ты. Это — время делиться увиденным.

Во время прогулки сын поделился со мной открытием: орнаментом из лампочек на лесах строящегося дома (а я делюсь с вами: они были флуоресцентными — желтыми, красными и белыми). Он поделился со мной многочисленными буквами О — это была первая буква, которую он научился произносить, выговаривая ее тщательно и медленно, вытянув губы и сияя от удовольствия, — случайно или намеренно обнаруженными на вывесках и стенах (в первую очередь, конечно, на дорожном знаке “Стоп”, но также на номерах машин и в ошибочно принятых за букву О нулях на экранах рядом с парковкой, обозначающих, что мест больше нет); в круглом узоре решетки кондиционера, висящего над окном; в круглом пупке; в трещине на тротуаре, имеющей форму яйца; на железных воротах с филигранью в форме О. Он поделился со мной знанием об отличительной особенности нашего дома: львиной голове с открытой пастью над входной дверью. Я не замечала ее, хотя тысячи раз входила и выходила в эту дверь.

Была ли это фиксация? Помешательство на лампочках, буквах О и львах? Нет. Мой сын просто ребенок. А детское восприятие удивительно. Мы часто забываем об этом — потому что дети неизбежно превращаются во взрослых, которые, несмотря на всю свою мудрость или доброту, бывают очень невнимательны. Мир ребенка — это хрестоматийный пример спутанного внимания. Новорожденный невольно попадает на интенсивный учебный курс чувственного восприятия. Организм бережет младенца, стараясь особенно ему не докучать. Несмотря на то, что все его сенсорные органы — включая огромные чистые глаза, маленькие ушки и бархатную безупречную кожу — работают как надо, далеко не вся информация, которую ребенок получает из внешнего мира, достигает мозга. А если и достигает, то не в организованном порядке. Например, младенец все видит более размытым и ярким, чем взрослый: младенцы очень близоруки и не имеют затемняющих фильтров, приглушающих свет. Для новорожденного не су-

ществует “кроватки”, “мамы”, “папы”, стен, пола, окна, неба. Ребенок видит все это, но пока не понимает, что это такое.

Информация, поступающая через глаза, может обрабатываться в любой части мозга — это может быть и зрительная кора, обеспечивающая зачаточное зрение, и двигательная кора, заставляющая младенца пинаться, и слуховая кора, благодаря которой лежащий рядом плюшевый мишка может восприниматься как звук удара, звон или шепот. Есть все основания полагать, что такой вид *синестезии* для младенцев обычен. Синестезия — буквально “одновременные чувства” — это довольно редкая, с очень малой вероятностью встречающаяся у взрослых форма восприятия. У синестетиков ощущения от одного органа чувств — например, глаз — перекрываются с ощущениями от другого органа чувств, например вкусовых рецепторов. Конечно, все мы часто испытываем два (и более) ощущения одновременно — например, довольно трудно есть рядом с прорвавшейся канализационной трубой; мы можем понять, что нам говорят, посмотрев на губы собеседника.

Однако у некоторых людей “совмещение” чувств может быть менее функциональным и более сильным. Советский психолог Александр Лурия описал свое знакомство с синестетиком Ш. в книге “Маленькая книжка о большой памяти (ум мнемониста)” (у Ш. также, и это не случайно, была феноменальная память). Давая Ш. задания по запоминанию словесных рядов, Лурия обнаружил, что тот визуализирует слова в голове, причем его “внутреннее зрение” было совсем не простым. Если во время зачитывания списка слов кто-нибудь чихал или кашлял, Ш. видел “клубы пара” или “брызги”, которые накладывались на возникавшие в голове зрительные образы. Для Ш. звуки имели цвет и вкус: розовый, шершавый, соленый. Для многих синестетиков числа и буквы имеют чувственные ассоциации: цифра 3 для них “угрюмая”, буква *h* похожа на “коричнево-желтый шнурок от ботинка”, буква *a* “отдает лаковым черным деревом”.

Однако если у взрослых способность чувствовать слова на вкус или ощущать запах букв считается отклонением (пусть даже способствующим творчеству), младенцы — создания в высшей степени творческие — живут в таком мире постоянно. Хайнц Вернер, немецкий психолог начала XX века, называл это *sensorium commune*: зародышевым способом познания мира, пред-знанием и пред-категоризацией. Ученые обнаружили остатки такой перцептивной организации и у взрослых: когда им показывали на рисунке волнистые линии, они обычно описывали их как “радостные”, нисходящие — как “грустные”, а резкие линии — как “злые”. Ощущение звука — когда кажется, будто находишься внутри вибрирующего колокола — также проявление нашей рудиментарной *sensorium commune*.

Впрочем, чаще всего мы игнорируем подобные ощущения: мы не делим линии на *радостные, тревожные* или *мрачные*. Согласно одной из теорий синестезии, синапсы, которые соединяют нейроны, отвечающие за идентификацию форм, и нейроны, отвечающие за восприятие вкуса, в первые годы жизни разрушаются. Возможно, так происходит просто потому, что эти синапсы никак не используются. Люди редко говорят о том, что треугольник похож на кислое зеленое яблоко, поэтому ребенок, который испытывает это ощущение, в конце концов просто перестает обращать на него внимание. И тогда ощущение отмирает.

Такое восприятие мира станет понятнее, если мы вспомним, что мозг сродни густому супу из нейронов, которые взаимодействуют друг с другом посредством электрических импульсов. Это взаимодействие обеспечивается межклеточными связями — синапсами. Не будет преувеличением сказать, что на определенном уровне любое наше ощущение — от боли в ушибленном пальце до попыток вспомнить чье-нибудь имя — является результатом активности конкретных нейронов, взаимодействующих с помощью конкретных синапсов.